

Жузз Акмал
1954–2007

ПОЭЗИЯ

Давно не жил,
давно не умирал

Хорошо приложилась

Наговаривать не надо!
Жизнью я не покалечен,
Лишь от пыли поколочен.
Правда,
Лупит жизнь – что надо!
В глаз не даст, так съездит в бровь,
Пыли нет,
Да каплет кровь...

Сон

Ты мирно спишь. Твои ресницы
Покрыты блёстками луны...
Мне ж беспокойно...Мне не спится...
Горю в горниле тишины!
Под всхлип усталой половицы
Вспорхнули с веток птицы-сны.

Сто мыслей самых суматошных
О жизни нашей будоражат.
Тревожит ветер заполошный –
Бессонницы мятежной стража.
Напрасно я уснуть пытаюсь,
Напрасно мучаю кровать,
Раздумий сумрачную стаю
Мне стройным клином не собрать,
Но в темноту опять врастаю,
И Землю обхожу опять.
Там, в глубине бессонной ночи,
Найду к надежде спящей тропку,
И этот сон развею в клочья,
Швырну в клокочущую топку!..
...Ты спишь. На сомкнутые очи
Луна бросает отблеск робкий.

Нет, новых не ищу порогов,
Лишь тот, что потерял давно.
Поэту спящего народа
Спать по ночам нельзя – грешно!
И даже отдыхать – грешно!
Любить – грешно!
Грешно!

Нэджибэ-апа

Тебе навстречу выбежать, склонить
Шершавые коленки пред тобой?
Ты отряхнёшь меня с подола, словно нить:
«Не до тебя мне, кавалер, ступай домой!»

Соседка наша!
Нэджибэ-апа!
Ты – тайна детства,
Тётя Нэджибэ!
И если б к мальчику тому была тропа,
Вернулся бы, чтоб посмотреть вослед тебе!

Тебя завидев, отворял плетень,
За угол дома спрятавшись, встречал.
Ты приходила к нам с бабулей через день,
Качая синим коромыслом на плечах.

«Ну что, закончилась вода из родника?
Давайте вёдра, Мэштюрэ-ханум!»
«Ну почему не одолеть никак
За день всю воду?!» – сожалел я об одном.

Изящно изгибая стройный стан,
Ты возвращалась, тётя Нэджибэ!
Я, за плетнём на цыпочки привстав,
Смотрел, не отрываясь, на тебя!

Меня зовёшь, я убегаю наутёк.
Догнав, притиснешь, засмуцав совсем.
«Во всём ауле, – скажешь, – лишь один растёт
Джигит, меня достойный, – мой сосед».

Ты озорна была и молода,
И язычок был у тебя – ножа острей:
«Вот, бабушка, полезная вода –
Пусть кавалер мой подрастает побыстрей!»

Шутила ты...
А я, в бурьян травы
Упав, рыдал... роса и слёзы жгли мне рот,
Когда увидел, что с Кутдус-абый
Ты целовалась на скамейке у ворот.

Когда смирился с этим я? – Когда
Умыл лицо, припухшие глаза?
Когда жених – Кутдус-абый – в подарок дал
Кусочек мыла... я его с улыбкой взял?!

Соседка наша,
Нэджибэ-ханум!
Замужних женщин так должны мы величать.
Свою любовь к тебе я до сих пор храню,
Ты – тайна детства, жизни светлая печаль.

Теперь я только гость в родном селе,
Меня завидев, выбегут встречать
Твои детишки – озорны и веселы,
А на коленочках – шершавая печать.

Из жизненного опыта

Очень странно порою
С нами жизнь поступает:
Побеждённому легче,
Много легче бывает...

Своя радость, свой очаг,
Горб на согнутых плечах,
Тело и душа в комплекте,
Что во мне не так – ответьте?

Я – не бедный, не богатый,
И ума полна палата.
Кто обидит – пореву,
Разозлит – в клочки порву...
Не смотри, что весь в заплатках...
Я ведь в первый раз живу.

Давно уже...

Давно уже навзрыд не плакал я,
Давненько не смеялся я до слёз.
Что делать, подскажите мне, друзья?
Всё это – в шутку или же – всерьёз?

Давно под летним ливнем не бродил,
Парные капельки хватая ртом.
И не считал давно ночных светил,
Луна осталась где-то за бортом.

Давненько я костров не разводил,
Не слушал гром весенний у реки,
Давно я журавля не находил,
Не упустил синицу из руки.

Давно уже в буране не блуждал,
Давно не слышал ураганный вой.
По осени давно не увядал,
И по весне не зеленел листвою.

И никуда не тороплюсь давно.
И, опоздав, не сокрушаюсь, нет –
Не отыскать мне правды всё равно,
Не изменить обманом белый свет.

И, что со мной творится, не пойму –
Благие помыслы мои – мираж,
Нет радости ни сердцу, ни уму,
Давно не жил, давно не умирал.

Давно с надеждой в «завтра» не смотрел,
Боясь в «сегодня» что-нибудь менять.
Всё прятался от встречных взглядов-стрел,
Неужто сглазил кто-нибудь меня?

Друзья, спасите, об одном молю –
Хотя бы день прожить достойно мне!
Я знаю, вы поймёте боль мою –
Ведь вы в таком же мечетесь огне...

Снегопад

Кто веселью предался, кто – грусти.
Снег ложится на шапки, пальто.
Словно мама муку просеивает,
Высоко приподняв решето.

Я – мальчишка – взбирался с ногами
На полаты, упёршись в бока,
Наблюдал... Ну а мама в ту пору –
Лунолика, стройна и гибка...

С песней тесто месила в кадушке.
Печь гудела о чём-то своём.
Я украдкой лапшички сырые
Поедал, и нам было вдвоём

Так уютно: она не ругала,
Лишь дразнила сынка своего.
Вкуснотища и тесто сырое,
Если мама месила его!

Снег идёт.
И мне кажется память
Стала чище, белее как будто.
Снег кружится...
Как будто бы мама,
Белит печь белой глиной всё утро.

Печь бела,
Дом согрет!
Я – на нарах.
Мамин взгляд полон света и ласки...
Ну а я, как обычно, канючу:
«Расскажи-ка мне дооолгую сказку?..»

Снег идёт...
Аромат свежих пышек,
Что пекла моя добрая мама,
Так похож он на запахи снега,
Не забуду до смерти до самой.

Снег кружится...
Под выпавшим снегом,
Заросла вековой повиликой,
Тропка в детство, где я – несмышлёныш,
Ну а мама – стройна, лунолика...

Скворец

Эк, разговорился нынче птичий комментатор,
Чует слушающих нас, притихших по кустам-то.

Машет крыльями, хвостом в крайнем нетерпении,
То вдруг танцевать начнёт, не прерывая пения.

То, взлетев, из поднебесья душу изливает,
Восхваляет лес и поле, речку воспевает.

Как чужбина, расскажи-ка, птаха, сделай милость?
Ну а родина за зиму сильно изменилась?

Видимо, не сильно, нет, всё вокруг знакомо –
Разве стал бы он лететь сотни вёрст до дома?..

С татарского – Наиль Ишмухаметов

48

